

А. ХОХРЯКОВ,
*председатель полкового комитета
Волинского полка*

ИЗ ЖИЗНИ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА В 1917 ГОДУ

Для того чтобы понять, какая громадная и ответственная роль выпала на долю петроградского гарнизона в дни Октября, достаточно установить следующие три момента:

1) Петроградский гарнизон непосредственно «творил» революцию. Отдельные его войсковые части прочно связали свое имя с той или иной страницей этих исторических дней.

2) Петроградский гарнизон и по своему официальному положению (войска столицы), и по своей численности, и, самое главное, по своей организованности, по связи своей с военной организацией при ЦК РСДРП(б) был и оставался всё время, начиная с февраля и до объявления демобилизации, примером для войсковых частей всей России и, наконец:

3) расположенный в Красном Петрограде гарнизон отсюда, с тыла, давил линией своего поведения на фронт.

Только имея в тылу революционный гарнизон, могли быть спокойны за участь революции войска на фронте.

Все эти отдельные стороны вопроса полны громадного интереса для истории Октябрьских дней 1917 года.

І. В ГРЕНАДЕРСКОМ ПОЛКУ

1. Общая картина

Гренадерский полк, по справедливости, считался одним из самых большевистских полков бывшего петроградского гарнизона. Естественно поэтому, что части полка неизменно принимали участие во всех значительных событиях дня.

Демонстрации 18 июня, июльская, охрана дворца Кшесинской, где помещался Петербургский комитет большевиков и военная организация большевиков, охрана Петропавловской крепости — всё это те страницы истории, где бесценно встречается Гренадерский полк.

Такая роль полка определяется тем, что здесь с первых же дней февральской революции была налажена самая тесная и живая связь с военной организацией при ЦК РСДРП(б).

Здесь членом полкового комитета работал один из членов Петербургского комитета РСДРП и военной организации солдат Мехоношин. В действующем Гренадерском полку на фронте работал большевик штабс-капитан Гинтовт-Дзевалтовский. Число сторонников у них обоих непрерывно росло, и когда автор этих строк в марте 1917 года вступил в Гренадерский полк, то из всех рот и команд полка уже заметно выделялась своим влиянием 4-я (большевистская) рота.

Именно здесь были самые ожесточенные споры на тему: к чему война, нужно ли продолжать ее, кто ее виновник и т. д. Здесь же необычайно остро для того времени ставились и общие вопросы. Точно спала какая-то пелена с солдатских глаз и правда предстала перед ними во всей своей ужасающей, наготе.

Особенно поражали солдат и находили в их среде самый горячий отклик контрасты жизни тогдашнего Петрограда.

Помню, как однажды горячий спор закипел по поводу Гостиного двора.

Несколько солдат, вернувшись из города, возмущенно рассказывали, что Невский полон расфранченной публикой, Гостиный торгует всюду; всюду мародеры тыла, их жёны и содержанки, и всюду автомобили, духи, кружева, наряды и смех... Слишком много смеху...

Как будто нет фронта, нет миллионов калек и убитых; как будто нет безработных и голодных. Как будто не было и революции... Солдаты раздраженно указывали, что в деревне нет керосина, мыла, нет гвоздей и соли, и шли прямым путем:

— Неужели мы делали революцию, чтобы герои тыла попрежнему купались в довольстве, а крестьяне и рабочие попрежнему гнили и гибли в окопах?!

Почва в Гренадерском полку была прекрасно подготовлена. Лозунги военной организации большевиков ждали только момента, чтобы быть претворенными в жизнь.

В деле развития среди солдат критического отношения к действительности и указания выхода из февральского тупика играла роль и близость казарм от дворца Кшесинской, где помещалась военная организация.

Имя Ленина с первых же дней его прибытия в Петроград стало для гренадер живым символом.

Имя это знаменовало подлинную пролетарскую революцию и безжалостно ставило крест над Керенским, над его «постольку-поскольку», над всей шумихой фраз и лозунгов, которыми пытались прикрыться коалиционные министры.

Солдаты нутром чувствовали, что из дворца Кшесинской дует «грозный», но «живительный ветер», и толпами шли туда; ловили каждое слово Ленина и несли его в казармы.

Здесь они были почти полностью предоставлены самим себе.

Офицерство не играло в их жизни никакой, сколько-нибудь заметной, роли.

Солдатам приходилось самим строить свои организации и в них искать ответа на наболевшие вопросы.

2. Совет Крестьянских Депутатов от петроградского гарнизона

Одной из таких организаций для всех солдат петроградского гарнизона был возникший в конце весны Совет Крестьянских Депутатов от петроградского гарнизона.

Солдаты ни на минуту не забывали, что они, прежде всего, в большинстве крестьяне, что военная служба

только эпизод в жизни каждого из них, и поэтому, когда образовался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, они живо почувствовали, что здесь нет необходимой полноты — нет Совета Крестьянских Депутатов. Эта законная потребность крестьян в серых шинелях и нашла себе разрешение в образовании особого Совета Крестьянских Депутатов от петроградского гарнизона. Депутатами здесь были избранники отдельных войсковых частей, кажется, по два человека от каждой роты и команды.

Совет собирался и работал в особом помещении (угол бывшего Каменноостровского и Большого проспектов на Петроградской стороне).

Одним из вопросов, сильно волновавших в то время петроградский гарнизон, был вопрос о земельных сделках. Газеты сообщали, что, боясь отобрания земель, многие помещики продавали свои имения иностранцам на случай, чтобы Учредительное собрание было впоследствии бессильно отобрать проданную землю. Сделки чаще всего были фиктивные; продавали имения подставным лицам, лишь бы они были иностранцами. «Продавали» боннам, учителям, управляющим и т. д.

Солдаты волновались, обсуждали вопрос по своим частям и в Совете Крестьянских Депутатов и, наконец, решили послать особую делегацию к председателю Совета министров Керенскому с требованием прекращения сделок на землю вообще.

Была избрана делегация из восьми-десяти членов Совета Крестьянских Депутатов от петроградского гарнизона и отправлена в Мариинский дворец к Керенскому.

Передать требование Совета и настаивать на получении немедленного согласия должен был пишущий эти строки, как один из членов Совета.

Керенский встретил делегацию крайне холодно, почти враждебно и, едва дослушав, резко оборвал: «Требований здесь быть не может, Совет Крестьянских Депутатов от петроградского гарнизона не может ничего предписывать правительству... Я передам этот вопрос министру земледелия, где вы и получите справку...»

Крутой поворот на каблуках, с ловкостью почти военного человека, и Керенский ушел бы, но вдруг из среды депутатов выступил один солдат и резко обратился к Керенскому:

— Насчет земли-то мы разберемся... Найдем концы.

А вот странно, что вы, эсер, и принимаете как революционный министр в зале, где со всех сторон цари глядят... Снять бы их пора... А то противно...

Дело в том, что прием происходил в одной из зал Марининского дворца, стены которой, действительно, были почти сплошь завешаны портретами бывших царей и их семейств. Керенский сконфузился, весь побагровел и как-то точно осел сразу.

С заискивающей улыбкой он обещал: «Да, да! Надо затянуть холстом или вынести. Да, да! Завтра же», — и торопливо стал за руку прощаться с делегацией.

3. Митинг солдат

Это было вскоре после прибытия в Россию Ленина, в период самой ожесточенной травли большевиков.

Полковой комитет решил созвать митинг с участием представителей всех партий и членов правительства, чтобы в живом обмене мнений возможно рельефнее обнаружились разногласия, так волновавшие солдат полка.

От большевиков обещал приехать Ленин.

После речи Л. Г. Дейча собрание стало настойчиво требовать:

— Ленина! Ленина!

Между тем из дворца Кшесинской сообщили, что Ленин нездоров и приехать никак не может.

Этим воспользовались враги большевиков, и поднялся невообразимый шум:

— Конечно! Еще бы!

— Да он и не приедет. Шпионы немецкие!

— Приехали в запломбированных вагонах. Нарочно их прислал Вильгельм. Получили 20 миллионов марок. — И т. д.

Митингу грозил срыв. Слушать бывших налицо представителей партии большевиков нечего было и думать.

Ораторы других партий довольно потирали руки.

До глубины души был возмущен Л. Г. Дейч.

— Это безобразие. Клевета на Ленина. Это нечестная борьба.

— Идите и объясните им историю приезда Ленина

и роль Временного правительства, — обратился Дейч ко мне, как председателю митинга.

— Я выступил бы сам, — прибавил он, — но мне плохо.

Действительно, с Л. Г. Дейчем сделался обморок.

Вооружившись наскоро газетами, где в то время большевики объясняли историю своего возвращения через Германию, я взял слово.

Шум стих.

Чувствовалось, что митинг ловит каждое слово и потому, что речь шла о бесконечно дорогом уже многим из этой солдатской массы — речь шла о Ленине.

По окончании митинга ко мне, как председателю, подошли отдельные группы, и смысл их заявлений был трогательно благородным.

— Мы можем не соглашаться с Лениным; может быть, мы не пойдем за ним, но клеветать подло. Нечестно это.

И тут же раздумчиво добавляли:

— А здорово он объясняет. Жаль, что не приехал. Разделал бы он всех этих ораторов. Как вчера говорил с балкона о диктатуре пролетариата! Куда этим... Жаль, что не приехал, из-за него-то больше и пришли мы...

4. Вопрос о выводе революционных войск из Петрограда

Позиция, занятая петроградским гарнизоном после 27 февраля, политическая непримиримость солдат и всё возрастающее влияние на них партии большевиков — в лице, главным образом, военной организации большевиков — всё это не могло не беспокоить Временное правительство и лидеров других политических партий.

Для всех было ясно: для того чтобы обессилить питерский пролетариат, надо убрать из Петрограда революционные войска. Надо заменить их войсками с фронта, иначе говоря, верными частями, и только тогда должно было наступить умиротворение.

Первоначально вопрос этот был поднят на общегарнизонном собрании 17 апреля 1917 года под видом вопроса «о реорганизации гарнизона». И на этом же пер-

вом заседании представитель Волынского полка жаловался: «У нас идет большая убыль тех людей, которые были с нами 28 февраля».

Позже вопрос ставился всё с большей откровенностью. О выводе революционных войск говорилось так настойчиво, что пришлось заключить особый «договор» с Временным правительством о невыводе войск из Петрограда.

Вопрос этот, конечно, живо интересовал солдатские массы и имел то громадное значение, что при обсуждении его солдатам приходилось конкретно сталкиваться с общими вопросами политики.

На собраниях, посвященных именно этому вопросу, солдаты впервые сталкивались с понятием контрреволюции, с замыслами Корнилова; впервые здесь ставились вопросы о конечных целях революции; каждое собрание, посвященное этому вопросу, неизбежно сталкивалось с вопросом об общей политике Временного правительства, о призывах большевиков. Отсюда также естественно и неизбежно собрание переходило к вопросу о войне.

— Кому нужна война? Нужно ли ее продолжение? Из-за чего возникла война? — И т. д. И это в каждой части, во всех запасных батальонах Петрограда, в Кронштадте и у моряков.

И всюду неустанно работала военная организация большевиков.

В ряде полков были особые ячейки, в других местах отдельные лица, но живая связь военной организации с каждой значительной воинской частью почти неизбежно имелаась налицо и должна была приводить в отчаяние Временное правительство.

Вывести войска из Петрограда нужно, но сделать это втихомолку, без обсуждения, никак нельзя. А обсуждать вопрос — значит снова говорить о политике Временного правительства и снова отражать нападки и разоблачения военной организации.

Получался своего рода заколдованный круг.

Но для солдат гарнизона это было, несомненно, полезно: их политический горизонт расширялся. На вопросе, так близко касавшемся их лично, они учились разбираться и в общих вопросах политической жизни страны.

5. После Тарнополя

Другим вопросом, столь же горячо волновавшим солдатские массы, но уже местного значения, вопросом в первую очередь только Гренадерского полка, было обсуждение положения, создавшегося на фронте после Тарнополя.

Как известно, действовавший на фронте Гренадерский полк отошел с линии фронта, создав шумевший в свое время «прорыв фронта у Тарнополя».

Отход этот был поставлен в теснейшую связь с успехом большевистской пропаганды, а так как вопрос шел о «спасении России», то «патриоты» решили использовать этот момент всюю.

Действовавший на фронте полк был, по словам делегата полка Жерякова, 24 июня окружен казаками, конницей и артиллерией; ротные и полковой комитеты были уведены казаками неизвестно куда. Комиссар Временного правительства Кириенко по готовым спискам вызвал из полка свыше 100 большевиков; их увели тоже неизвестно куда (позже большинство арестованных очутилось в каменец-подольской тюрьме, а самое «дело» окончилось, как известно, тем, что инициатор отхода капитан Дзевалтовский в первых числах октября был судим и оправдан).

Над запасным Гренадерским батальоном в Петрограде нависла угроза расформирования. От него требовали отречения от тарнопольцев, которых, как водится, предлагали немедленно заклеймить презрением и т. п.

Но в это же время приехали делегаты с фронта, и картина сразу резко изменилась.

Делегат Кременков с особым ударением подчеркивал, что полк не отказывался переходить в наступление вообще, а не хотел только наступать по призыву Керенского, как члена Временного правительства. Делегация утверждала, что если бы власть страны перешла в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, они пошли бы в наступление как один, если бы их к тому призвали Советы.

А 26 июня собранию батальона были доложены тезисы, принятые действовавшим на фронте полком.

Они сводились к следующему:

1) Гренадерский полк в действующей армии отказывается в доверии Временному правительству и требует перехода всей власти к Советам Рабочих и Солдатских Депутатов;

2) отказ от наступления, начатого Керенским;

3) Исполнительный комитет, как видно, перешел на сторону капиталистов;

4) министры-социалисты не социалисты больше, а капиталисты, буржуи и т. д.

Всё это обсуждалось не только на собраниях батальонов или в полковом комитете, но шло дальше и глубже.

Делегаты с фронта расходились по ротам и командам, шли в другие полки, ехали в Кронштадт и в казармы к матросам. Запасный батальон из Петрограда откликнулся своему полку на фронте двумя постановлениями.

10 июня он принял резолюцию, где, между прочим, говорилось:

«Мы считаем, что правительство, состоящее в большинстве из буржуазии, только задерживает дальнейшее успешное развитие революции и мешает правильному и скорому разрешению вопроса о мире.

Вся власть народу, вся власть Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!

Только тогда свобода наша.

Только тогда может наступить конец войны.

Предлагаем товарищам солдатам других частей, крестьянам и рабочим всей России присоединиться, в свою очередь, к нашей резолюции, встать стойко на защиту Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, требовать перехода всей власти к Советам».

Что же касается до отношения к действовавшему полку, в связи с обнажением им фронта под Тарнополем, то было решено послать туда особую, свою солдатскую, комиссию для расследования.

Причем, в связи с докладом делегатов о том, что на фронте в третью линию окопов нашего действующего полка были посажены чехи, наши же пленные, вооруженные теперь, чтобы расстреливать первые две линии в случае их колебания, — особо обращалось внимание комиссии на то, что если бы даже фактически этого и не

было, то знаменательно самое появление такой версии и вера солдат в то, что так могло быть.

Запасный батальон кипел. Доверие к Временному правительству было окончательно подорвано.

В обсуждение политических вопросов втягивались на почве этих чисто солдатских интересов все солдаты полка, даже наиболее отсталые и безразличные вообще.

И чувствовалось, что, если ударит грозный час испытания, Временное правительство не встретит среди гренадер не только поддержки, но не увидит от них и пощады.

Живительный ветер дворца Кшесинской, связь с военной организацией большевиков, выступления на полковых митингах Н. В. Крыленко, Дашкевича, В. И. Невского и бесхитростные, но полные огня речи делегатов с фронта (Бакулина, Жерякова, Кременкова и др.) — всё это делало свою работу, и гвардии Гренадерский запасный батальон должен, по справедливости, войти в историю Октябрьских дней как одна из наиболее большевистских частей гарнизона.

II. В ВОЛЫНСКОМ ПОЛКУ

1. Накануне Октября

События, которые пришлось переживать автору с этим полком, относятся почти непосредственно к Октябрьским дням.

Участвовал полк во взятии Зимнего дворца, был в походе против Керенского, участвовал в изъятии 10 миллионов рублей из Государственного банка, и т. д.

Что же касается до темпа жизни в предыдущие месяцы (август—сентябрь 1917 года), то политический пульс полка был здесь значительно слабее, чем в Гренадерском полку.

Не было такой прочной и тесной связи с военной организацией большевиков, не было, почти до самого Октября, ячейки партии в нем.

Участие полка в июльской демонстрации ограничилось тем, что на улицу вышла только одна рота с прапорщиком Горбатенко.

Прапорщик Горбатенко и был в полку центром большевистской пропаганды, но влияние его окрепло, и среди

солдат полка появились определенные большевики (8-я рота) опять-таки значительно позднее.

Летом жизнь полка особенно всколыхнулась благодаря отъезду к себе на родину солдат-украинцев.

В связи с открытием Центральной украинской рады в особую единицу выделились украинцы. Среди 4000 солдат Волынского полка украинцев нашлось около 500 человек. Необходимо было по-братски поделить имущество полка. Уходящим были выделены не только амуниция и оружие, но и соответствующая часть полкового инвентаря: лошади, сбруи, полковые повозки, походные кухни, провизия и деньги. Отмечая это чисто товарищеское отношение к себе со стороны полка, уезжавшие клялись, в свою очередь, там, на Украине, быть верными идеалам революции и никогда не забывать, что они солдаты 1-го Революционного полка России.

На митинге перед отъездом ораторы рельефно подчеркнули, что отъезд однополчан-украинцев к себе домой, протекающий в подобных условиях, знаменует собой новую, совершенно немыслимую прежде страницу истории: сходит со сцены старое государство насилия и порабощения и уступает свое место новому государственному образованию — федерации свободных народов, добровольному союзу раскрепощенных ныне и независимых частей бывшей империи дома Романовых. К началу Октября политическое настроение полка сильно изменилось. Связь с военной организацией большевиков у полка окрепла, команда пулеметчиков и 8-я рота определенно считали себя большевистскими; полк жил исключительно по указаниям Смольного.

Полковой комитет, во главе которого стоял поручик Ставровский, а одним из членов был знаменитый Кирпичников, совершенно потерял свое влияние; решено было избрать новый комитет, более подходивший к новому настроению полка.

Председателем комитета был избран автор настоящих строк, товарищем председателя тов. Горбатенко. От обоих, как руководителей всей полковой жизни, полк определенно потребовал полного подчинения Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и самого тесного контакта с военной организацией, а позже с Военно-революционным комитетом.

Из событий, непосредственно предшествовавших

25 октября, необходимо отметить особую делегацию от имени Военно-революционного комитета в штаб Петроградского военного округа.

Военно-революционный комитет настаивал на контроле распоряжений штаба и для передачи этого постановления полковнику Полковникову избрал особую делегацию.

В числе делегатов, как председатель полкового комитета Волынского полка, был и пишущий эти строки.

Делегации пришлось пройти бесчисленное количество адъютантов и докладчиков, потерять в ожидании добрый час времени, чтобы получить, как и предполагалось, категорический отказ.

Но делегация имела значение также и в том отношении, что она была своего рода разведкой в оперативный штаб противника, разведкой почти накануне боя, и ничего, кроме бодрости, делегатам и их пославшим эта разведка дать не могла.

Делегация только что покинула Смольный. Там не было никакого порядка. Стояла невообразимая сутолока. Но чувствовалось, что над всем этим сумбуром, суетой и непрерывным потоком приходящих и уходящих матросов и солдат реет живительный дух революции.

Все были полны энтузиазма, горели жаждой борьбы, все ждали только призыва, так как отовсюду поступали донесения, что воинские части и рабочие всецело на платформе Военно-революционного комитета и готовы к борьбе. Задор, молодость и вера в победу были атмосферой Смольного.

Другая картина была в штабе округа. Здесь тоже сутолока, несмотря на вечер. Длиннейший стол приемной. Тут ждут присхавшие в штаб начальники частей; полковники, два-три генерала. Торопливо записывают что-то адъютанты и суетливо исчезают в кабинете, где работает «сам» начальник штаба. А на лицах у всех одно: скорей бы кончилась вся эта процедура! Домой скорей бы... Поздно уж... Все устали, и спать хочется. В холодных и пустынных залах штаба на всем лежала печать обреченности. Ее чувствовали и те, кто по инерции еще бегал с докладами, и те, кто приехал «представиться» начальнику штаба.

Живо почувствовали ее, конечно, и делегаты Смольного.

Это была последняя мирная встреча делегации с людьми в погонах.

Через день было объявлено, что штаб Петроградского военного округа признается прямым орудием контрреволюции и войска отныне должны подчиняться только Военно-революционному комитету и его комиссарам при отдельных воинских частях.

2. Взятие Зимнего дворца

День 25 октября прошел в полку в самом нервном настроении. Вести, со всех сторон долетавшие в полк, были отрывочны и противоречивы.

Люди, посланные для связи в Смольный, вернулись только около 4 часов. И только тогда подтвердилось, что Керенский бежал, Временное правительство объявлено низложенным и что вся власть перешла к Военно-революционному комитету.

Всюду образовались кучки и группы солдат. Среди обсуждавших положение чаще всего слышалось: «Наконец-то; давно пора!».

Это солдаты посылали свое надгробное слово Временному правительству.

Но вместе с тем и тень тревоги и забот легла на полк.

Не верилось, что обойдется без борьбы. Шли слухи о подходе фронтовых частей. Штаб округа был еще в руках офицерства. Правительство еще заседало в Зимнем дворце. Некоторые утверждали, что Керенский уехал к войскам фронта, чтобы вернуться с ними и тогда дать бой большевикам...

Как всюду, были сомневающиеся, те, кто не верил; а рядом с ними, тут же на нарах, находились фанатики революции, энтузиасты, горевшие каким-то пожирающим огнем. Им казалось, что даже эти события, летевшие с ужасающей быстротой, идут слишком медленно. От них слышалось только одно: «Скорей бы, скорей!».

Все чувствовали, что перевернулась еще одна страница истории, и все хотели заглянуть в следующую — одни робко, недоверчиво и с опаской, другие, полные огня и веры, как дети революции.

Около шести часов вечера пришло распоряжение укрепить территорию полка. Опасались нападения или

провокации со стороны Временного правительства. Против Фонтанной улицы и по Волынскому переулку были установлены пулеметы.

Солдатам 8-й и 4-й рот были розданы боевые патроны. В полном сборе была команда пулеметчиков.

В полку никто не ложился спать. Все чувствовали, что должно произойти что-то значительное, такое, что историческими сделает и эту ночь, и тех людей, которые там наверху, в Смольном, решили вступить в смертельную схватку с Временным правительством; и полк нетерпеливо, с трепетом ждал только одного: в этой схватке не кликнет ли клич Смольный, не позовет ли Военно-революционный комитет к себе на помощь. Ждал, чтобы тысячьо голосов ответить: «Слышим, готовы! Идем к вам... Почему вы не звали нас раньше?!».

Около 8 часов пришло распоряжение: выступить к Зимнему дворцу в количестве 300 человек, сбор в казармах Павловского полка.

Через несколько минут отряд построился, а через полчаса мы подходили уже к Марсову полю.

В пути солдаты интересовались только одним: действительно ли их вызвал Смольный, действительно ли идем добывать Временное правительство.

Боялись провокации, ошибки, недоразумения.

Обстановка поддерживала тревогу. Ночь выпала темная. Порывами дул холодный, северный ветер. Где-то слышалась перестрелка.

Марсово поле было сплошь заставлено штабелями дров. Невольно вспоминались февральские дни, когда в войска стреляли из-за каждого угла.

Почему Марсово поле не могло сыграть роль ловушки, где под прикрытием дров и ночи можно было учинить расправу над теми, кто шел по зову своего Ревкома?

В казармах Павловского полка нас встретил капитан Дзевалтовский. Часть волынцев была назначена для связи со всё подходившими частями и рабочими отрядами, а часть для охраны юнкеров, а позже и женского батальона, когда тех обезоружили и захватили на Дворцовой площади.

Глубокой ночью был взят Зимний дворец. Кликами радости и долго несмолкавшим «ура» встретили волынцы свой отряд, когда около 6 часов утра он принес им в ка-

зармы весть о взятии дворца и о ликвидации Временного правительства.

Но иллюзий ни у кого не было даже в эту минуту. Все знали, что еще много борьбы и трудностей предстоит, чтобы окончательно считать погребенным Временное правительство и твердо установившейся власть Октября. Действительно, на другой же день после переворота, 26 октября, стало известно, что готовится забастовка на двух пунктах, одинаково важных для нормального хода жизни города: на водопроводе и на электрической станции.

Обычно в таких случаях на место забастовки Ревком посылал кого-нибудь из представителей гарнизона и партийного товарища из рабочих.

Уладить дело с рабочими водопровода Военно-революционным комитетом было поручено автору этих строк и еще одному рабочему.

Как и следовало ожидать, достаточно было точной информации обо всем происшедшем и указания, что войска гарнизона сознательно готовы на всяческие жертвы и на самую жестокую борьбу за власть, осуществляемую Военно-революционным комитетом, чтобы «забастовщики» сейчас же отказались от своего плана и просили нас и от их имени приветствовать власть Советов.

Ставка «Всероссийского комитета спасения родины и революции» на забастовку была бита, по крайней мере, среди рабочих.

Зато появились зловещие тучи на горизонте со стороны Царского Села — Пулково.

Туда теперь стремительно бросились все, кому не на словах был дорог переворот 25 Октября...

3. Пулково — Царское

Приказ о выступлении Волынского полка против Керенского был получен в полковом комитете от тов. Н. В. Крыленко, когда тот в час дня 30 октября лично приехал в полк.

Около пяти часов вечера полк выступил в количестве до 1000 человек, и к 10 часам вечера мы были в Пулкове.

В отдельных воспоминаниях, посвященных этому моменту, верно и кстати указывается, что если этот эпизод и является мелким звеном в истории Октябрьских дней, зато он поражает другим: высотой порыва, пламенностью энтузиазма и той твердой решимостью и волей к победе, на которые способны только революционные массы народа.

Если отражение сил Керенского представлять себе как более или менее организованное выступление против него войск петроградского гарнизона, то получится картина, имеющая весьма мало общего с тем, что было на самом деле.

Не солдат только выслал Питер для защиты от врага, а в полном смысле слова армию Революции.

Солдатами этой армии были все, кто готов был умереть за дело Октября, все, для кого в этот момент не было ничего более святого, как Революция, и более ненавистного, чем враги ее!

Город слал новые и новые ряды бойцов.

Тяжело ступая по мокрой дороге, скользя в канавы и громыхая походными кухнями, один за другим шли полки солдат.

Их перегоняли грузовики; на каждом 40—50, может быть больше, человек рабочих. Их слали заводы. У них винтовки и... ничего больше. Где они остановятся, что будут есть, кто будет подбирать у них раненых и возьмет убитых — они долго не думали над этим. Схватили винтовки и бросились — победить или умереть!

Новые грузовики. Опять рабочие. Красная гвардия. Кого тут нет? Фабричная молодежь, подростки восемнадцати-двадцати лет, какие-то три гимназиста с ними и, обеими руками держась за винтовку и побряхывая на выбоинах тракта, старик рабочий лет шестидесяти пяти. Седой и суровый, он кажется каким-то пророком среди этого грузовика молодежи.

Кругом на поле тысячи людей. В грязи и сырости они роют окопы. Разматывают и укрепляют колючую проволоку. Проволока всюду в гигантских клубках. Завтра она затянет собой все подступы к столице.

Кто руководит этой работой? Где инженеры? Саперы? Специалисты? Кто дает им указания?

Никто! Это Армия Революции...

Ближе к Пулкову по обе стороны тракта какие-то

одинокие фигуры. Прямо в поле. Насколько хватает глаз, можно видеть отдельные черные точки.

Количество их постепенно увеличивается. Это значит, что подошел новый грузовик и ушел обратно, оставив в поле 50—60 матросов.

Выкопав или отыскав какое-нибудь углубление в поларщина, на расстоянии 30—40 шагов один от другого, они стоят здесь в поле под октябрьским дождем, зорко всматриваются в сторону врага и карабинами сдерживают тех, кто грозит им пулеметами из блиндированного поезда.

Армия Революции имеет достойных часовых!

Это их называли когда-то: «краса и гордость революции».

На равнинах Пулково — Царское они скромно подтвердили, что это так.

Путиловская молодежь. Красная гвардия.

Неизвестно, откуда появлялись они там, где было хоть какое-нибудь прикрытие. Теплушка, грузовик, вагон — им всё равно.

Из-за него, между колес, из-за рельс и насыпи они посылали врагу свои залпы и неизвестно куда исчезали, когда «становилось жарко».

Это — партизаны Армии Октября.

Женщины, девушки, работницы. Они здесь же с сумками через плечо, с наспех сделанной повязкой Красного Креста; прямо с заводов и фабрик они явились сюда, чтобы не остались без помощи те, кто вышел защищать Октябрь...

Это воодушевление рабочих видел враг и решил принять свои меры.

По городу были пущены слухи, один чудовищнее другого.

Тем, кто стоял в Пулкове, нашептывали, что город уже занят казаками.

Малодушные дрогнули. Менее устойчивые пошли обратно.

Это было почти исключительно в полках и совсем не коснулось моряков и рабочих.

В 11 часов 30 минут вечера в Волынском полку было созвано собрание полкового и ротных комитетов «для выяснения создавшегося положения».

И командир, и офицеры полка усиленно внушали

солдатам, что между отдельными частями войск нет связи, что неизвестно, где наш штаб, что мы не знаем даже, кто стоит впереди и кто позади нас, что рисковать при таких условиях людьми полка было бы безумием, и вывод делали, что надо вернуться в Петроград, чтобы оттуда сказать и Смольному и Керенскому: «Ни шагу вперед, ни капли крови. Договаривайтесь о власти открыто, при свете гласности и под контролем всего гарнизона. До тех пор ни шагу вперед, ни капли крови».

Ни призывы комиссара полка, ни речи несогласных с отступлением помочь не могли, и часть полка из Пулкова пошла обратно.

Ушли, конечно, командир и, кажется, все, без исключения, офицеры.

Ушли тотчас же, ночью, чтобы, по выражению представителя 11-й роты, «не освистывали их дорогой, как отступать будут».

Часть солдат, немного больше половины, не поддавалась ни на какие уговоры и решила остаться, хотя бы им угрожала гибель. «Лучше умереть, — заявили они, — чем договариваться с Керенским».

Эта группа решила послать за ушедшими представителей полкового комитета и партийных товарищей и попытаться вернуть ушедших с дороги или даже из казарм, если они дойдут уже до Петрограда.

Петроград остался верен себе. Едва «отступившие» вошли в казармы, как пришедших закидали вопросами:

— В чем дело? Что случилось? Нет связи? А как же рабочие, а моряки, — ведь стоят же те под снарядами Керенского?!

— Нет организации!

— Вы просто трусы и изменники революции, — отвечали им. — А если нет — немедленно на фронт! На этот раз всем полком. Все, как один, — во искупление колебания и сомнений...

В 9 часов утра 31 октября в полку состоялся митинг, а вечером того же 31 октября Волынский полк стоял на позициях против Керенского уже в составе почти всех своих рот и команд, превышая численностью все другие воинские части, вышедшие против Царского Села.

Позднее удалось установить, что в отступлении сыграли роль не малодушие солдат и не минутное только

колебание командного состава, а чья-то искусная мысль, подсказанная через офицеров полка, что надо идти в Петроград, созвать там общегарнизонное собрание и, захватив фактически всю власть в свои руки (вокзалы, телефонную станцию, почту, телеграф и т. д.), объявить не более не менее как диктатуру гарнизона.

Об этом сконфуженно рассказывали позже сами солдаты и каялись, что дали увлечь себя гипнозом слов, так как фактически диктатура гарнизона в тот момент уже осуществлялась через Военно-революционный комитет, в руках которого, как представителя гарнизона, и без того была вся полнота власти.

И другую оценку, полную и содержания и смысла, приобретал факт, сперва показавшийся таким ненужным, неуместным.

Когда 29 октября солдаты полка в темноте и в грязи, под дождем и ветром, шагали по тракту к Пулкову, их нагнал автомобиль с членами Военно-революционного комитета.

Слепя глаза фонарями и завывая своим гудком, автомобиль въехал в гущу полка, и послышались слова, показавшиеся такими неуместными: «Больше всего, товарищи солдаты, следите за своими офицерами! Не доверяйте вашему командному составу... В большинстве случаев он душой с Керенским. Во все глаза смотрите за вашими офицерами. При малейшей попытке к переходу на сторону врага или к сдаче — на месте прикалывайте изменников Революции...»

На этот раз Волынский полк оставался на фронте (в деревне М. Кабази) до 3 или 4 ноября, когда получил приказ вернуться в Петроград.

4. «Осада» Государственного банка

Это был, пожалуй, последний яркий эпизод в жизни Волынского полка, а если не считать разгона Учредительного собрания, и в жизни всего петроградского гарнизона в Октябрьские дни.

Рано утром 7 ноября во все части была разослана телефонограмма явиться на гарнизонное собрание в Смольном.

На этом собрании в сжатых, но сильных словах было обрисовано положение: сопротивление Советской власти со стороны буржуазии приобретает совершенно организованный характер: начинают саботаж всё новые и новые группы служащих, чиновников, «общественных» деятелей и т. д. А между тем фронт — под угрозой голода. Для охраны хлебных грузов, идущих в армию, нужно разослать тысячи солдат, моряков и красногвардейцев.

И для этого, и для других неотложных работ, Совету Народных Комиссаров лужны средства. Чиновничество Государственного банка не дает денег. Их нужно взять. Части гарнизона должны через 2—3 часа с музыкою войти в Государственный банк и продемонстрировать, что сила войск на стороне Советов.

Собрание закончилось в 11 часов 40 минут утра.

В час дня войсковые части стали подходить к банку...

Между тем «Комитет спасения родины и революции» решил использовать этот момент, чтобы дать генеральный бой большевикам.

В Государственный банк прибыли делегации: Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, Союза Союзов, Союза служащих и рабочих банка, члены Петроградской Городской думы, представители отдельных партий, и т. д. и т. д.

Опираясь на то, главным образом, что Государственный банк не казначейство и что он хранит всенародное достояние, распоряжаться коим может только власть, избранная всем народом, все они решительно протестовали против «дневного грабежа», «взлома народного сундука» и т. д.

Тов. В. Р. Менжинский вручил мандат на получение 10 миллионов рублей и от имени Совнаркома объявил, что государственными преступниками будут считаться те, кто будет препятствовать исполнить распоряжение власти.

На размышления было дано 10 минут.¹

Цель была достигнута: сопротивление сломано.

¹

«Протокол заседания

Совета Государственного банка 6 ноября 1917 года

Заслушав предъявленное Советом Народных Комиссаров, в письменной форме, требование от 6 сего ноября за № 70 о выдаче Совету на экстраординарные расходы десяти миллионов рублей в порядке реквизиции и о зачислении этой суммы на текущий счет на имя Совета Народных Комиссаров, причем заместителем Народ-

Прибытие и наличность войск говорили яснее аргументов, что там, где есть приказ Советской власти, — там вся сила войск, и что у этих войск нет иного источника распоряжений, как только Смольный, только Военно-революционный комитет.

Представителям банка оставалось только капитулировать, но...

Оно нашлось, это спасительное «но», и дало возможность еще на миг возликовать «Комитету спасения родины и революции».

Оказывается, мандат на имя Менжинского в суматохе забыли дать на подпись Ленину. Не было и других подписей.¹

Этим воспользовались заправилы банка. Послышались фразы: «...и вот с такими-то бумажками Совнарком требует выдачи 10 миллионов народных денег». Подчеркивалось, конечно, «народных».

Было очевидно, что начинается розыгрыш промаха.

Между тем для войск всё оставалось попрежнему ясным.

Их прислал Смольный, и уходить без денег они даже не думали.

Нужен был выход из положения.

Нужно было решение тех, кто послал.

Мы поехали в Смольный.

ного Комиссара по Министерству финансов В. Р. Менжинским было пояснено, что, в случае отказа в исполнении настоящего требования со стороны Совета банка, сумма эта будет взята путем взлома кассы силою, — Совет Государственного банка единогласно постановил: требование о выдаче каких-либо сумм Совету Народных Комиссаров, как не основанное на законе, Совет не считает себя в праве удовлетворить; равным образом Совет не находит возможным открыть текущий счет на имя Совета Народных Комиссаров, как учреждения, не пользующегося правами юридического лица.

Вместе с тем Совет Государственного банка считает своим долгом протестовать против предъявления к Государственному банку требования о выдаче части вверенных банку народных средств в порядке реквизиции с угрозой взлома кладовых банка».

¹ «1917 г. ноября 7. Я, Председатель Полкового Комитета Кв. Волынского рез. п. Ал. Хохряков, по приглашению главнокомандующего войсками Петрогр. Воен. Окр. подп. Муравьева, вместе с ним, подп. Муравьевым, отправился в Смольный Институт, где по поводу требования Народных Комиссаров 10 000 000 руб. из сумм Гос. Банка доложил Народным Комиссарам Ульянову и Троцкому, что по поводу их требования возникает целый ряд вопросов. Так:

5. У Ленина

Было уже около пяти часов вечера, когда главнокомандующий войсками, подполковник Муравьев, и пишущий эти строки вошли в Смольный за инструкциями.

Обычные занятия были уже кончены. В бесконечных коридорах Смольного — гулкая тишина.

После шума и дебатов банка она казалась таким резким контрастом...

В комнате рядом с той, где работал Ленин, было еще несколько человек. Сам Ленин, когда мы вошли к нему с докладом, работал, — писал за маленьким рабочим столом.

Не отрываясь от письма, он обратился ко мне:

— Ну что у вас там?

Во время доклада Ленин продолжал писать и иногда казалось, что он не слушает.

Но едва я дошел до того, что мандат не имел подписи, как Ленин быстро прервал меня:

— Значит, денег получить нельзя! А кто писал мандат? — обратился он к тем, кто был в соседней комнате.

1) Не указано, почему именно Совет Нар. Комис. обращается с требованием денег не к Казначейству, а к Госбанку, в сферу деятельности которого производство расходов даже на армию совсем не входит.

2) Бумага, сегодня переданная Администрации Банка, не только не указывала, почему Совет Нар. Комис. обращается к Гос. Банку, но даже не была никем подписана. Подпись тут же была дана уже по просьбе администрации Банка заместителем Нар. Комиссара Менжинским.

3) В бумаге не было указано ни того, почему именно Сов. Нар. Комис. требует 10 000 000 руб., а не меньше и не больше. Не было указано и оснований такого требования. Не сказано, например, что эта сумма требуется на основании сметы Государ. расходов на 1917 г.

4) Не было указано и того, последуют ли за этим требованием новые требования денег или Совет Народных Комиссаров получением 10 000 000 рублей удовлетворится.

Такой же точно доклад сделан в моем присутствии Совету Народн. Комис. (Ленину, Троцкому и ряду других лиц, тут присутствующих) главнокомандующим подп. Муравьевым.

С докладом подп. Муравьева Нар. Комис. Ленин и Троцкий согласились, и устно в моем присутствии было постановлено: в виду целого ряда формальных упущений, вопрос о взятии 10 000 000 руб. из Гос. Банка временно считать открытым, и впредь требования нового характера предъявлять лишь с точной мотивировкой и указанием всех, как правовых, так и иного характера, оснований». (Примеч. автора.)

Была названа, если не ошибаюсь, фамилия одного из видных работников партии.

— Ведь такая досада, — продолжал Ленин, снова возвращаясь к тому, что он писал.

А затем, быстро встав, резюмировал:

— Вопрос о 10 миллионах придется временно считать открытым. Все основания, как правовые, так и иного характера, при последующих требованиях будут неизменно указываться.

Вот так! Поезжайте и ликвидируйте вопрос...

С самым тяжелым чувством мы покинули на этот раз Смольный.

Чувствовалось, что дело, которое должно было удасться, не удалось из-за мелочей, из-за несоблюдения формы.

Но через несколько дней всем стало ясно, что демонстрация войск и вся эта «осада банка» не прошли бесследно.

Борьба из области фронта и войск переходила в дело-производство.

Враг искал убежища в формальных упушениях канцеляриста. Значит, враг был сломлен.

Значит, власть Октября прочно входила в жизнь...

6. Разгон «учредилки»

Последним событием, в котором известную роль пришлось сыграть петроградскому гарнизону в целом, был разгон Учредительного собрания.

Но было бы несправедливостью не отметить, что этот, казалось бы, чрезвычайно важный момент особого оживления и былых тревог среди солдат не вызвал.

И когда 15 января 1918 года назначенная для несения патрульной службы 1-я рота Волынского полка колебалась выходить, зная, что в этот день она может быть обращена против Учредительного собрания, то достаточно было комиссару полка только разъяснить, что Советы — это есть такая форма государственного бытия, которая идет дальше и глубже Учредительного собрания, что раз осуществлены Советы, было бы шагом назад возвращение к Учредительному собранию, — и рота бодро и уверенно вышла к своим постам, заявляя: если Учре-

дительное собрание может оказаться против Советов — оно не нужно! Да здравствуют Советы! Вся власть Советам!..

7. Как жил гарнизон в Октябрьские дни

Для полноты описываемых событий остается прибавить, как жил гарнизон в дни Октября в своей будничной жизни.

В первую очередь, конечно, идет вопрос о пресловутой «распушенности», о том, что все матросы и солдаты стали спекулянтами и торговцами и что нельзя было двигаться по улицам Петрограда, столько лежало на них шелухи от семечек, которые «геройски» лушил весь петроградский гарнизон.

Значительная часть этих упреков относится к сравнительно более позднему времени. Отдельные случаи распушенности солдат, конечно, были.

Дисциплина палки, окриков, гауптвахты и карцера пала. А самодисциплины привито еще не было. Но, наряду с этим, нельзя не подчеркнуть, что чем дело было ближе к Октябрю, тем чаще можно было наблюдать в частях примеры новой, небывалой раньше, немыслимой при прежнем строе революционной дисциплины.

Говорить о том, с какой точностью выполнялись распоряжения Военно-революционного комитета, военной организации РСДРП(б) и комиссаров, не нужно потому, что это известно всем.

Но даже распоряжения полкового комитета, ссылавшиеся на то, что этого требует Революция, как общее правило, были святы для воинских частей.

Отчетливо помню тот случай, когда в ноябре 1917 года в Волынском полку солдат Архипов беспрекословно отбыл недельный внеочередной наряд за то только, что самовольно взял из хлебопекарни три или четыре фунта хлеба.

Или другой случай: во время разгрома винных складов солдаты отняли у кого-то вблизи казарм две четверти водки. Они доставили ее в полковой комитет, где она и стояла на окне несколько дней, прежде чем комитет постановил уничтожить ее.

Конечно, это не относится к моментам, когда под влиянием тех или иных событий закипали страсти. Тогда

бурлил солдатский океан, и не было для него авторитетов...

Главным образом нельзя ни на минуту думать, что вся солдатская масса в дни Октября переродилась и стала сплошь революционной. В ней, как и всюду, оставались шкурники, контрреволюционеры, люди не чуждые легкой наживы, но не они давали тон в эти дни. Их голосов не было слышно. Распоясаться они не смели.

Лучшим подтверждением этого может быть эпизод из того времени, когда по городу пошла и угрожала революции волна пьяных погромов.

Разгонять погромщиков приходилось и днем и ночью, и в виду особенности обстановки действовать приходилось со всей возможной решительностью.

И вот одна из рот полка, посланная, чтобы разогнать погромщиков, не устояла от соблазна. Солдаты побросали винтовки и присоединились к тем, кто разбивал бочонки и тут же напивался до бесчувствия.

Пришлось послать 8-ю роту, как наиболее стойкую.

Опьяневшие солдаты не хотели и слышать о прекращении попойки. Результат был для них весьма неожиданный. Погреб был очищен через каких-нибудь полчаса, а из поклонников вина около восьмидесяти человек потащились прямо в околоток отлеживаться и... вынимать занозы.

Около дюжины прикладов было разбито в щепки о спины и о «поясницы» загулявших.

А через несколько дней обе роты мирно объяснялись:

— Нельзя же так. До сих пор присесть не можем! Занозы — во какие...

— Убить вас мало было. «Защитники Революции!» Знать, соскучились по «романовской» палке. Ну, мы вам и напомнили...

После января 1918 года жизнь в войсковых частях петроградского гарнизона стала идти всё более ровным и всё более медленным темпом.

Пишущему эти строки пришлось с ноября 1917 года быть председателем дивизионного комитета 3-й Петроградской гвардейской дивизии, т. е. наблюдать жизнь четырех полков: Волынского, Литовского, Петроградского и Кексгольмского. И всюду было одно и то же. В связи с приближением общей демобилизации замеча-

лась усиленная тяга солдат на родину. Усилились отпуски. Канцелярии едва успевали заготавливать документы.

Заботой полковых комиссаров и организаций было сохранить имущество частей, особенно то, которое могло представлять интерес для музеев, и, по возможности, до конца поддержать то горение революционной мысли, которым так богат был петроградский гарнизон в дни октябрьских событий...

После демобилизации старый петроградский гарнизон сошел со сцены. Он должен был уступить свое место новым формам обороны новой, пролетарской России.

